JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

NATIONAL HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
FTAMP / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.2.75.86.

From Chinese Sources to Kazakhstani Textbooks: Mechanisms of Knowledge Selection and Transformation Concerning the Ulus of Jochi

Zh. Smakhanova
Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Astana, Kazakhstan
z.deil@mail.ru

Abstract. The article examines not the "image of the Ulus of Jochi" as such, but the mechanism through which it is transformed from heterogeneous source material into a connecting element of the school narrative of Kazakh statehood. The research problem lies in the fact that studies of Kazakhstani history textbooks convincingly demonstrate an emphasis on historical continuity, while the mechanism through which external written testimonies, academic reconstructions, and state educational frameworks are transformed into textbook narratives and incorporated into a coherent model of historical interpretation remains considerably understudied. The aim of the study is to reconstruct this mechanism through a comprehensive analysis of Chinese and Qing sources, educational literature, historiographical studies, and materials on the history of school education. The methodological framework combines source criticism, comparative historiographical analysis, narrative analysis, and conceptual analysis, enabling a comparison of the characteristics of source representations with their subsequent forms of academic and educational interpretation. The study demonstrates that the transformation of historical knowledge does not occur through a simple "retelling" of sources, but through three successive operations: a shift in perspective, from external administrative representation to internal social function; a shift in scale, from an individual episode or institution to a long-term trajectory of historical continuity; and a shift in the explanatory model, from dependency and situational diplomacy to political agency and statehood. As a result, the Ulus of Jochi acquires, within the school narrative, the function of a connecting link between the Kipchak milieu, Chinggisid legitimacy, and the history of the Kazakh Khanate. The study demonstrates that this transformation involves the selection, reduction, and reinterpretation of source information, the recontextualization of evidence, and the incorporation of particular elements of the past into a broader model of historical continuity. The scholarly novelty of the study lies in developing a model of three operations of historical knowledge transformation that makes it possible to trace the transition from source testimony to its representation in textbooks, as well as in distinguishing claims supported by historiography and the available corpus of sources from those requiring direct verification against specific textbook editions and archival materials. The textbook is thus conceptualized as an institution of selection and recoding of historical knowledge rather than as a passive reflection of academic historiography.

Keywords: Ulus of Jochi, Golden orde, school textbook, historical memory, Chinese sources, historiography, history education

For citation: Smakhanova Zh. From Chinese Sources to Kazakhstani Textbooks: Mechanisms of Knowledge Selection and Transformation Concerning the Ulus of Jochi. *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.6, no.2, pp.75-86. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.2.75.86

© Zh. Smakhanova, 2026

Қытай дереккөзінен қазақстандық оқулыққа: Жошы ұлысы туралы білімді іріктеу және трансформациялау тетіктері

Ж. Смаханова
Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Андатпа. Мақала Жошы ұлысының «бейнесін» өз алдына қарастыруды емес, деректік материалдан қазақ мемлекеттілігі туралы мектептік нарративтің байланыстырушы элементіне айналу тетігін зерттеуге бағытталған. Зерттеу мәселесі Қазақстан тарихы оқулықтарына арналған еңбектердің тарихи сабақтастыққа бағдарланған ұстанымды нанымды түрде айқындағанына қарамастан, сыртқы жазба деректердің, академиялық реконструкциялардың және мемлекеттік білім беру шеңберлерінің оқулық мәтініне трансформацияланып, тұтас тарихи баяндау үлгісіне енгізілу механизмінің әлдеқайда аз зерттелуімен байланысты. Зерттеудің мақсаты – қытай және цин деректерін, оқу әдебиетін, тарихнамалық зерттеулерді және мектептік білім беру тарихына қатысты материалдарды кешенді талдау негізінде осы механизмді реконструкциялау. Зерттеудің әдіснамалық негізін деректанулық сын, салыстырмалы-тарихнамалық, нарративтік және концептуалдық талдау құрады. Бұл әдістер деректердегі сипаттау ерекшеліктерін олардың кейінгі академиялық және оқу-әдістемелік интерпретацияларының формаларымен салыстыруға мүмкіндік берді. Зерттеу барысында тарихи білімнің трансформациясы деректерді жай ғана «қайта баяндау» арқылы емес, өзара сабақтас үш кезең арқылы жүзеге асатыны анықталды: көзқарастың өзгеруі, яғни сыртқы әкімшілік тіркеуден ішкі әлеуметтік функцияға қарай; ауқымның өзгеруі жекелеген оқиғадан ұзақ мерзімді тарихи сабақтастық желісіне қарай және түсіндіру моделінің өзгеруі тәуелділік пен ситуативті дипломатиядан саяси субъектілік пен мемлекеттілікке қарай. Нәтижесінде Жошы ұлысы мектептік нарративте қыпшақтық орта, Шыңғыс әулетінің легитимділігі және Қазақ хандығының тарихы арасындағы байланыстырушы буын қызметін атқарады. Мұндай трансформация деректік мәліметтерді іріктеу, қысқарту және қайта пайымдау, олардың бастапқы контекстін өзгерту, сондай-ақ өткеннің жекелеген элементтерін тарихи сабақтастықтың кеңірек моделіне енгізу үдерістерімен қатар жүреді. Зерттеудің ғылыми жаңалығы тарихи білімді трансформациялаудың үш операциялық моделін әзірлеуден тұрады. Бұл модель деректік куәліктен оның оқулықтағы репрезентациясына дейінгі үдерісті пайымдауға, сондай-ақ тарихнама мен қолжетімді деректерде расталған тұжырымдарды нақты оқулық пен архивтік материалдар негізінде тікелей тексеруді қажет ететін тұжырымдардан ажыратуға мүмкіндік береді. Оқулық академиялық тарихнаманың жеңіл әрі оңтайлы көрінісі ретінде емес, тарихи білімді іріктеу және қайта кодтау институты ретінде **қарастырылады.**

Түйін сөздер: Жошы ұлысы, Алтын Орда, мектеп оқулығы, тарихи жады, қытай деректері, тарихнама, тарихи білім беру

От китайского источника к казахстанскому учебнику: механизмы отбора и трансформации знаний об Улусе Джучи

Ж. Смаханова

Научный институт изучения улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. Статья исследует не «образ Улуса Джучи» как таковой, а механизм его превращения из разнородного источникового материала в связующий элемент школьного нарратива о казахской государственности. Проблема исследования заключается в том, что работы, посвященные казахстанским историческим учебникам, убедительно фиксируют ориентацию на историческую непрерывность, однако механизм, посредством которого внешние письменные свидетельства, академические реконструкции и государственно-образовательные рамки трансформируются в учебный текст и включаются в целостную модель исторического повествования, изучен значительно слабее. Цель работы – реконструировать данный механизм на основе комплексного анализа китайских и цинских свидетельств, учебной литературы, историографических исследований и материалов по истории школьного образования. Методологическую основу исследования составили источниковедческая критика, сравнительно-историографический, нарративный и концептуальный анализ, позволившие сопоставить особенности источникового описания с последующими формами его академической и учебной интерпретации. Установлено, что трансформация исторического знания осуществляется не посредством простого «пересказа» источников, а через три последовательные операции: смену точки зрения от внешней административной фиксации к внутренней социальной функции; смену масштаба от отдельного эпизода к длительной линии исторической преемственности; и смену объяснительной модели от зависимости и ситуативной дипломатии к политической агентности и государственности. В результате Улус Джучи в учебном нарративе приобретает функцию связующего звена между кыпчакской средой, чингизидской легитимностью и историей Казахского ханства. Показано, что такая трансформация сопровождается селекцией, сокращением и переосмыслением источниковых сведений, изменением их контекста и включением отдельных элементов прошлого в более широкую модель исторической преемственности. Научная новизна исследования состоит в разработке модели трех операций трансформации исторического знания, позволяющей проследить переход от источникового свидетельства к его учебной репрезентации, а также в разграничении положений, подтвержденных историографией и доступным корпусом источников, и положений, требующих непосредственной проверки по конкретным изданиям учебников и архивным материалам. Учебник рассматривается как институт селекции и перекодирования исторического знания, а не как его пассивное отражение в академической историографии.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, школьный учебник, историческая память, китайские источники, историография, историческое образование

Для цитирования: Смаханова Ж. От китайского источника к казахстанскому учебнику: механизмы отбора и трансформации знаний об Улусе Джучи *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.6, no.2, pp.75-86. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.2.75.86

Введение

Постсоветская трансформация школьного исторического образования Казахстана уже описывалась как переход к нарративу, одновременно де-советизирующему и реказахизирующему историческую идентичность; при этом учебная политика сочетала эту линию с курсом всемирной истории, ограничивавшим этнонациональную монополизацию программы (Кисане 2005). Более поздний анализ учебников 2018-2021 гг. показывает, что репрезентация государственности строится через длительное присутствие ее традиций на территории современного Казахстана и выполняет функцию утверждения национальной легитимности (Muminov 2026). Однако между этим общим выводом и конкретным учебным нарративом остается аналитический разрыв: недостаточно объяснено, как сведения, первоначально созданные внешними наблюдателями для иных административных или дипломатических целей, становятся доказательствами непрерывной национальной государственности.

Статья рассматривает этот разрыв на узком материале Улуса Джучи и связанных с ним сюжетов – Кангюя, Ак-Орды, жузов и отношений с Цинской империей. Предоставленный корпус прямо формулирует контраст между внешним описанием кочевий и внутренней учебной интерпретацией институтов как оснований коллективной целостности (卷一至二⌧新泰). Такой выбор позволяет изучать не набор «образов прошлого», а технологию их нарративного соединения. Цель исследования – выявить механизмы, посредством которых знания о степных политических образованиях и казахско-цинских отношениях отбираются, переопределяются и включаются в школьный рассказ об Улусе Джучи как звене преемственности казахской государственности (Noda 2021).

Новизна состоит в аналитической модели трех операций, то есть смены точки зрения, масштаба и объяснения и в ее применении к переходу от источника и академического текста к учебному нарративу. Модель позволяет показать, что преемственность здесь не «извлекается» из одного свидетельства, а конструируется при соединении разных классов материалов.

Материалы и методы

Статья включает четыре группы материалов. Первая группа – научные издания на китайском языке: «Перевод и публикация древних документальных материалов по истории и культуре Синьцзяна казахи. Тома 1-2 Чжан Синьтай, Хэ Лин» и «Сборник китайских переводов маньчжуроязычных архивных документов Синьцзяна периода династии Цин. Т. 1-10» (卷一至二⌧新泰). Они содержат описания китайских и цинских свидетельств, а также утверждения о школьных трактовках Кангюя, Улуса Джучи, Ак-Орды, жузов и дипломатии Абылая. Эти материалы используется как карта исследовательских гипотез, а не как самодостаточная замена публикациям источников. Второе – исследования учебников и образовательной политики. Они позволяют соотнести языковые и сюжетные изменения с институциональными задачами исторического образования (Kissane 2005, Muminov 2025, Burkhanov 2023). Третье – историографические работы об Улусе Джучи и советской национальной истории. Эта группа показывает смену допустимых объяснительных схем и политическое регулирование историографии (Shakiyeva 2022, Shakiyeva 2023). Четвертое – источниковедческие исследования казахско-цинских отношений. Они

нужны для проверки того, насколько учебная схема «мудрой дипломатии» соотносится с многовекторностью реальных институтов и практик (Noda 2021).

Источниковедческая критика разделяет три уровня высказывания: что фиксирует или, в данном случае, как пересказывает внешний источник; как это истолковывает историк; какой функциональный смысл придаёт сюжету учебный нарратив. Это необходимо потому, что доступный блок не содержит архивных шифров, полных переводов и страниц учебников (卷一至二⿰新). Сравнительно-историографический метод сопоставляет советскую установку на «реакционность» монгольского завоевания с поздней схемой наследования Улуса Джучи. Нарративный анализ выделяет исторического субъекта, временную связку и причинное объяснение. Концептуальный анализ прослеживает значения слов «государственность», «этногенез», «жуз» и «дипломатия». Наконец, структурно-функциональный подход рассматривает учебник как жанр, который не только сообщает исторические факты, но и формирует нарративную последовательность, обеспечивающую возможность гражданского самоописания.

Историографический обзор

В историографии можно выделить три пересекающихся направления. Первое изучает школьный учебник как средство национального самоописания. К. Киссане связала реформу исторического образования с образовательной политикой и двумя параллельными задачами – усилением национальной составляющей исторического нарратива и его дополнением всемирно-историческим контекстом (Кисане 2005). А. Бурханов и Д. Шарипова, сопоставляя государственно одобренные учебники, указывают на сочетание независимостных нарративов с частичным воспроизводством советского символического дискурса (Burkhanov 2023). В. Ключарёва также строит сравнение советских и современных учебников через инструменты memory studies и прослеживает динамику лексики «трагического прошлого» (Klyuchareva 2022). Эти работы объясняют общую направленность трансформации, но не делают Улус Джучи специальным объектом анализа источниковой медиации.

Второе направление исследует постсоветскую историографию Улуса Джучи. А. Шакиева фиксирует изменение концептуальных подходов после распада СССР и отмечает закрепление тезиса о Казахстане как наследнике Улуса Джучи в работах казахстанских историков (Shakiyeva 2022). Важная поправка к линейной модели «советское отрицание - постсоветское признание» следует из исследования освещения Улуса Джучи в академической «Истории Казахской ССР»: ранние советские интерпретации уже были предметом политико-идеологической корректировки, а постановления и редакционные процедуры требовали изображать монгольское завоевание как глубоко реакционное (Shakiyeva 2023). Следовательно, разрыв 1991 г. не отменил прежних механизмов политического регулирования исторического знания; изменилась их концептуальная направленность.

Третье направление – источниковедческое изучение трансграничной степи и казахско-цинских контактов. В обзоре Дж. Ноды казахские ханы представлены как потомки Джучи, после падения Джунгарского ханства они вели «двустороннюю дипломатию» с Россией и Цинским Китаем, а цинские титулы были связаны с торговыми правами и укреплением степной власти (Noda 2021).

Таким образом, существующие исследования хорошо описывают учебник как пространство идентичности, советские режимы историографического контроля и новые трактовки Улуса Джучи. Мы рассматриваем учебник как механизм, который пересобирает источниковую разнородность в модель преемственности.

Результаты

Исторический учебник не существует вне режима производства допустимого знания. В советский период корректировка Истории Казахской ССР была связана с партийными решениями, в 1945 г. переработку объясняли ошибочной оценкой монгольского завоевания и требовали положить в основу марксистскую схему развития производительных сил и отношений производства (Shakiyeva 2023). В этой рамке Улус Джучи был проблемой: он мог быть элементом объяснения этнической консолидации, но одновременно должен был оставаться примером разрушительного «ига».

Постсоветская образовательная политика сместила акценты в преподавании истории. Исследования отмечают ориентацию на десоветизацию и восстановление национальной исторической перспективы, однако не сводят эти изменения к односторонней этнизации, поскольку включение всемирной истории обеспечивало более широкий и сбалансированный исторический контекст (Kissane 2005). В современных учебниках представление о государственности, по данным исследования 2018-2021 гг., выполняет функцию стабилизации национальной идентичности через длительную территориально-политическую преемственность (Muminov 2025). Поэтому смена трактовки Улуса Джучи объясняется не только новыми фактами, но и изменением вопроса, который задаёт учебник прошлому: вместо «каково социально-экономическое значение завоевания?» «какие институты и связи делают историю Казахстана непрерывной?»

В предоставленной работе китайские и цинские материалы описаны как тексты, фиксирующие внешне наблюдаемые признаки: группы населения, кочевья, иерархии, посольства и отношения с имперским центром (卷一至二⌧新泰). Учебная интерпретация, напротив, наделяет эти сведения внутренней функцией: жузы объясняются как этнотерриториальная организация, а не как объект административного учёта; дипломатические контакты становятся практикой сохранения манёвра и целостности (卷).

Это не означает, что учебник произвольно отменяет источниковые данные. Скорее он меняет вопрос: внешний документ отвечает на то, кого и как имперская администрация должна классифицировать; учебник на то, как общество воспроизводило порядок и субъектность. Проверяемое исследование Ноды поддерживает необходимость такой многослойности: оно описывает параллельные контакты казахских ханов с Россией и Цинской империей, а также связывает цинские титулы с торговыми правами и укреплением ханской власти (Noda 2021). Следовательно, наиболее точная формула: не «дань была заменена суверенитетом», а «административно-имперская семантика была помещена в более широкую модель асимметричной, но агентной дипломатии».

В изданиях «Перевод и публикация древних документальных материалов по истории и культуре Синьцзяна казахи. Тома 1-2 Чжан Синьтай, Хэ Лин» и «Сборник китайских переводов маньчжуроязычных архивных документов Синьцзяна периода династии Цин. Т. 1-10» Кангюй, тюркские каганаты, монгольские улусы, Ак-Орда и Казахское

ханство выстроены как последовательные этапы единого этнополитического пространства (卷). Здесь происходит масштабный сдвиг: отдельное сообщение о военной силе, подчинении или кочевьях перестаёт быть самодостаточным и становится ранним звеном длительной цепи.

Улус Джучи в этой цепи выполняет особую работу. Современная историография прямо связывает его с последующим Казахским ханством и фиксирует распространение формулы наследования (Shakiyeva 2022). Но учебный нарратив делает это соединение педагогически завершённым: кыпчакское демографическое и культурное большинство, чингизидская династическая легитимность и Ак-Орда как политическая форма соединяются в причинную линию, завершающуюся Казахским ханством (卷一至二⌧新泰).

Советская историческая схема не была просто лишена интереса к Золотой Орде. Напротив, источники показывают интенсивные редакционные и политические споры. Однако допустимая интерпретация стремилась закрепить негативную оценку монгольского завоевания и отрицать, что оно могло содействовать формированию казахской народности (Shakiyeva 2023). Такая логика разрывала связь между «монгольским периодом» и казахской государственностью либо делала её вторичной.

В постсоветской историографии происходит не столько отмена монгольского компонента, сколько его функциональное перераспределение. Улус Джучи становится посредником: монгольская династическая линия сохраняется как источник политической легитимности, но социально-этническое содержание повествования описывается через тюркоязычную и, в учебной логике, кыпчакскую среду (卷). Именно эта двойная конструкция помогает избежать альтернативы «внешнее завоевание» или «исконное национальное государство».

Сопоставление с исследованием Бурханова и Шариповой уточняет картину: новые независимостные сюжеты в учебниках могут сочетаться с частичным сохранением советского символического дискурса (Burkhanov 2023). Следовательно, преемственность и разрыв нужно искать не по дате 1991 г., а по функциям нарратива. Из советского опыта сохраняется сама возможность нормативной селекции прошлого; меняются положительный герой, временная связка и легитимирующее значение Улуса Джучи.

Схема «историки открыли, а учебники воспроизвели» недостаточна. Современные исследования Улуса Джучи свидетельствуют о концептуальном обновлении историографии и о двух стадиях развития соответствующих подходов после распада СССР (Shakiyeva 2022). Но учебник отбирает из академической дискуссии не весь спор, а элементы, из которых можно построить возрастно и гражданско значимую причинную последовательность.

Образовательная политика задаёт критерии отбора: территориальная продолжительность, государственность, культурная самобытность и способность к дипломатическому действию. В этом смысле школьный нарратив является не сокращённой академической монографией, а вторичной эпистемической формой. Он производит знание другого типа: нормативно связное, временно упорядоченное и предназначенное для коллективного самоописания. Сказанное не предполагает, что каждый конкретный учебник действует одинаково; исследования выявляют и языковые различия между казахско- и русскоязычными версиями учебных текстов (Burkhanov 2023).

Таблица 1. Трансформация репрезентации Улуса Джучи в казахстанских школьных учебниках: советский и современный периоды

(Кесте 1. Қазақстандық мектеп оқулықтарындағы Жошы ұлысының репрезентациясының трансформациясы: кеңестік және қазіргі кезеңдер)

Параметр	Советская рамка (1940-е-1950-е)	Переходная постсоветская рамка	Современная интерпретационная рамка в исследуемом корпусе
Периодизация	Монгольский период подчинен схеме «ига» и формационному объяснению, его позитивная роль в этногенезе оспаривалась партийной критикой (Shakiyeva 2023)	Де-советизация и ре-казахизация учебного нарратива идут одновременно с поиском баланса через всемирную историю (Kissane 2005)	Длинная линия государственности на территории современного Казахстана становится организационным принципом (Muminov 2025)
Улус Джучи	Объект политико-идеологической коррекции; акцент на разрушительности завоевания (Shakiyeva 2023)	В историографии усиливается связь Улуса Джучи с Казахским ханством (Shakiyeva 2022)	Посредник между кыпчакской средой, чингизидской легитимностью, Ак-Ордой и ханством по предоставленному корпусу (卷一至二☒新泰)
Жузы	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Внешняя административная фиксация переосмысляется как этнотерриториальная и социальная организация (卷一至二☒新泰)
Казахско-цинские отношения	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Учебная рамка «дипломатии» должна читаться вместе с данными о двусторонних посольствах, цинских титулах и торговых правах (卷一至二☒新泰, Noda 2021)

Роль учебника	Передача исторического знания встроена в партийно контролируемую историографию (Shakiyeva 2023)	Учебник участвует в формировании десоветизированной идентичности (Kissane 2005)	Учебник действует как инструмент утверждения легитимной, непрерывной государственности (Muminov 2025)

Обсуждение

Предложенная модель уточняет две влиятельные интерпретации. Во-первых, она согласуется с исследованиями, которые связывают учебник с формированием идентичности и онтологической безопасностью, но конкретизирует механизм: непрерывность производится не декларацией, а серией операций над масштабом, точкой зрения и объяснением (Muminov 2025, Burkhanov 2023). Во-вторых, она усложняет представление о резком разрыве с советским прошлым. Советская историография уже была полем напряжения между исследовательским материалом, политическим контролем и вопросом об этногенезе; постсоветская версия изменила его смысловую развязку, но не устранила институциональную селекцию знания (Shakiyeva 2023).

Теоретически это позволяет отказаться от противопоставления «источник объективен, учебник идеологичен». Китайский или цинский административный текст также создавался в определенной оптике. Критический вопрос заключается не в том, «искажает» ли учебник нейтральный документ, а в том, какие действия и отношения видимы в каждом жанре и какие из них отбираются для национального исторического объяснения. Нода показывает, что казахско-цинские отношения включали одновременно посольства, титулатуру, торговлю и укрепление степной власти; такая множественность позволяет проверить и сделать менее однозначным учебный сюжет о дипломатии (Noda 2021).

Главная проверяемая гипотеза, следующая из статьи, такова: чем сильнее учебник строит долгую линию государственности, тем чаще он будет превращать институционально-административные сведения о политии в функциональные аргументы о единстве, адаптации и субъектности. Её нельзя считать окончательно доказанной нынешним корпусом, поскольку для проверки нужны постраничные выборки учебников нескольких изданий и сопоставимые публикации китайских и маньчжурских документов (卷一至二☒新泰).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что исследовательский пробел заключается не в отсутствии работ, посвященных национальной идентичности в исторических учебниках, а в недостаточной изученности механизма перехода от внешнего источникового описания к учебной модели исторической преемственности. В современном казахстанском историографическом и учебном языке Улус Джучи функционирует как важное связующее звено между кыпчакской средой, чингизидской легитимностью и генеалогической историей Казахского ханства (卷一至二☒新泰, Shakiyeva 2022).

При этом советский нарратив не являлся нейтральным фоном для последующих интерпретаций. Оценка монгольского периода корректировалась под воздействием партийно-идеологических установок и формационных требований, что ограничивало возможность его рассмотрения как значимого элемента процессов этногенеза (Shakiyeva 2023). Постсоветская трансформация заключается прежде всего в изменении объяснительной функции этого периода: вместо преимущественно негативной интерпретации через концепт «ига» в учебном нарративе Улус Джучи постепенно представляется как одно из звеньев длительного процесса государственности.

Показательным является и изменение интерпретации системы жузов и казахско-цинских контактов. Здесь происходит смена исследовательской перспективы: внешний административный и дипломатический язык источников преобразуется в учебный рассказ о социальной организации, политической субъектности и способности казахского общества к самостоятельному взаимодействию с внешними силами (卷一至二☒新泰). Однако данное преобразование не следует интерпретировать как простое исправление или преодоление «имперского» характера источников. Источниковедческие исследования свидетельствуют о многовекторности дипломатии, особенностях титулатуры и торговых связей, тогда как учебник неизбежно редуцирует эту сложность, преобразуя её в более компактную и линейную причинно-следственную модель (Noda 2021).

Таким образом, преемственность советского и постсоветского этапов проявляется прежде всего в сохранении самого институционального механизма отбора и структурирования прошлого. Изменение заключается не в отказе от этого механизма, а в смене его нормативного центра. Если советский учебный нарратив подчинял интерпретацию прошлого формационной и идеологической схеме, то в постсоветский период центральным принципом его организации становится идея непрерывности казахской государственности (Muminov 2025, Burkhanov 2023). Именно в процессе такого отбора, сокращения и переорганизации источникового материала учебник превращается из средства передачи исторической информации в активный механизм конструирования исторической преемственности и национального самоописания.

Список литературы

Burkhanov A, Sharipova D. New Narratives and Old Myths: History Textbooks in Kazakhstan. *Nationalities Papers.* 2024. No.52(5), pp.193-1208. DOI: https://doi.org/10.1017/nps.2023.64

He Xingliang, 1999a - He Xingliang Zhong Qingdai kanfen Zhong-E bianjie dachen de yi jian man wen wenshu yanjiu ☒代勘分中俄☒界大臣的一件滿文文☒☒究 [A Study of the Manchu Document by the Qing Dynasty Minister in Charge of Delimiting the Sino-Russian Border]. Minzu yanji 民族☒究 *[Ethnic Studies]*. 1999, no.1, pp. 79-88.

Kissane C. «History Education in Transit: Where to for Kazakhstan?» Comparative Education. 2005. No.41(1), pp.45–69. DOI:10.1080/03050060500073249.

Klyuchareva V. *From the kazakh ssr to «independent» Kazakhstan: a history textbook as a way of forming national identity*. Vestnik Altaiskogo Gosudarstvennogo Pedagogiceskogo Universiteta. 2022. No.2(51), pp.96-101 https://doi.org/10.37386/2413-4481-2022-2-96-102

Muminov N., Kuranbek A., Orynbayev Z. *«The Problem of Ontological Security and Representation of*

Kazakh Statehood in School History Textbooks». Studies in Ethnicity and Nationalism. 2026. Vol.26, no.1, pp.141-154. DOI: https://doi.org/10.1111/sena.70011.

Noda J. *The Kazakhs, 16th-19th Centuries (26 May 2021), in David Ludden (ed.)*. Oxford Research Encyclopedia of Asian History (New York, NY, online edn, Oxford Academic, 27 Feb. 2017) https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.317

Shakiyeva A. *Study of the history of the Jochi Ulus in the period of independent Kazakhstan.* Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University Historical sciences Philosophy Religion Series. 2022. No.138(1), pp.126-141. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-126-141

Шакиева А.С. *Особенности освещения истории Улуса Джучи в «Историях Казахской ССР» в 1940-1950-х годах. Золотоордынское обозрение.* 2023. Т.11, no.1, с.220-241. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241

Zhang Xintai, He Ling - Zhongguo Xinjiang lishi wenhua guji wenxian ziliao yibian. Hasakezu (er) 中□新疆□史文化古籍文□□料□□. 哈□克族（二）[Chinese-Xinjiang Series of Translations of Ancient Historical and Cultural Textual Materials. Kazakh Nationality. Vol. 2]. Zhang Xintai, He Ling (eds.). Wulumuqi: Xinjiang Renmin Chubanshe, [year not indicated].

References

Burkhanov A, Sharipova D. New Narratives and Old Myths: History Textbooks in Kazakhstan*. Nationalities Papers.* 2024. No.52(5), pp.1193-1208. DOI: https://doi.org/10.1017/nps.2023.64 (In English)

He Xingliang, 1999a – He Xingliang Zhong Qingdai kanfen Zhong-E bianjie dachen de yi jian man wen wenshu yanjiu □代勘分中俄□界大臣的一件滿文文□□究 [A Study of the Manchu Document by the Qing Dynasty Minister in Charge of Delimiting the Sino-Russian Border]. Minzu yanji 民族□究 *[Ethnic Studies].* 1999, no.1, pp.79-88. (In Chinese)

Kissane C. "*History Education in Transit: Where to for Kazakhstan?" Comparative Education*. 2005. No.41(1), pp.45-69. DOI:10.1080/03050060500073249. (In English)

Klyuchareva V. *From the kazakh ssr to «independent» Kazakhstan: a history textbook as a way of forming national identity.* Vestnik Altaiskogo Gosudarstvennogo Pedagogiceskogo Universiteta. 2022. No.2(51), pp.96-101 https://doi.org/10.37386/2413-4481-2022-2-96-102 (In English)

Muminov N., Kuranbek A., Orynbayev Z. *«The Problem of Ontological Security and Representation of Kazakh Statehood in School History Textbooks»*. Studies in Ethnicity and Nationalism 2026. Vol.26, no.1, pp.141-154. DOI: https://doi.org/10.1111/sena.70011. (In English)

Noda J. *The Kazakhs, 16th-19th Centuries (26 May 2021), in David Ludden (ed.)*. Oxford Research Encyclopedia of Asian History (New York, NY, online edn, Oxford Academic, 27 Feb. 2017) https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.317 (In English)

Shakiyeva A. *Study of the history of the Jochi Ulus in the period of independent Kazakhstan.* Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University Historical sciences Philosophy Religion Series. 2022. No.138(1), pp.126141. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-126-141 (In English)

Shakiyeva A.S. *Features of Coverage of the Ulus Jochi History in the «Histories of the Kazakh SSR» in the 1940s-1950s. Golden Horde Review.* 2023. Vol.11, no.1, pp.220-241. doi:10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241 (In Russian)

Zhang Xintai, He Ling – Zhongguo Xinjiang lishi wenhua guji wenxian ziliao yibian. Hasakezu (er) 中□新疆□史文化古籍文□□料□□. 哈□克族（二）[Chinese-Xinjiang Series of Translations of Ancient Historical and Cultural Textual Materials. Kazakh Nationality. Vol. 2]. Zhang Xintai, He Ling

(eds.). Wulumuqi: Xinjiang Renmin Chubanshe, [year not indicated]. (In Chinese)

Information about authors

Zhanar S. Smakhanova – doctoral student, Research Institute for Jochi Ulus Studies, 010000, 15B Pushkin str., Astana, Kazakhstan. https://orcid.org/0000-0001-6459-7676, lapin.79@mail.ru

Сведения об авторах

Смаханова Жанар Сатылгановна – докторант, Научный институт изучения Улуса Джучи, 010000, ул. Пушкина, 15 Б, г. Астана, Казахстан. https://orcid.org/0000-0001-6459-7676, lapin.79@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Смаханова Жанар Сатылгановна – докторант, Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты, 010000, Пушкин к-сі. 15Б, Астана, Қазақстан. https://orcid.org/0000-0001-6459-7676, lapin.79@mail.ru

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***/ Раскрытие информации о конфликте интересов***. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.04.2026
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.05.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.06.20266